

смысловыми блоками: *и кто будет мой волостель у соли и его итуни, ини у тех колодязей монастырских блиско и на их дворцах у варниц усолцем копати не ослобужают* [АСЭИ, I, с. 88].

Частицы как средство грамматической связи отмечены в абсолютном большинстве документов, хотя их функционирование в текстах ограничено. Указательная частица **се** выступает обязательным компонентом начального блока купчих Москвы и Новгорода, в то время как в грамотах ВКЛ она зафиксирована в единичных документах. Наряду с этим, грамоты ВКЛ отличает использование таких частиц, как **бы, ли**.

Таким образом, употребление универсальных грамматических средств связности обнаруживает четкую корреляцию с местом создания грамоты и ее жанром.

ЛИТЕРАТУРА

1. АСЭИ, I: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси к. XIV-XVI вв. в 3 т. / отв. ред. Б.Д. Греков. – М.: АН СССР, 1952–1964. – Т. 1. – 1952. – 804 с.
2. АСЭИ, II: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси к. XIV-XVI вв. в 3 т. / отв. ред. Б.Д. Греков. – М.: АН СССР, 1952–1964. – Т. 2. – 1956 – 727 с.
3. АФЗХ, I Акты феодального землевладения и хозяйства XIV-XVI в. в 3 ч. / отв. ред. С.В. Бахрушин. – М.: АН СССР, 1951–1956. – Ч. 1. – 1951. – 400 с.
4. АФЗХ, II Акты феодального землевладения и хозяйства XIV-XVI в. в 3 ч. / отв. ред. Л.В. Черепнин. – М.: АН СССР, 1951–1956. – Ч. 2. – 1956. – 663 с.
5. ГВНП: Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С.Н. Валка. – М.-Л.: Наука, 1949. – 407 с.
6. ПГ, II: Полоцкие грамоты XIII – начала XVI вв. / сост. А.Л. Хорошкевич. – М.: Инст-т истории АН СССР, 1978. – Вып. 2 – 219 с.
7. ПГ, III Полоцкие грамоты XIII – начала XVI вв. / сост. А.Л. Хорошкевич. – М.: Инст-т истории АН СССР, 1980. – Вып. 3 – 212 с.

ДОМ, ДОРОГА, ГЕРОЙ В МОДУСЕ МИФОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА–ВРЕМЕНИ В ПРОЗЕ В. АСТАФЬЕВА И В. КОЗЬКО

Е.В. Крикливец
Витебск, ВГУ

В пространственно-временной организации прозы В. Астафьева и В. Козько можно выделить модус мифологического пространства-времени. Он образован ассоциациями, аллюзиями, реминисценциями, использованием сюжетов и образов языческой и христианской мифологии.

Цель нашей работы – выявить специфику реализации *топосов дома, дороги и героя* в данном модусе пространства-времени.

В работе использован метод компаративистики.

Основная часть. *Топос дома* в произведениях Астафьева и Козько реализуется несколько аспектов: *дом-вселенная, дом-родина, дом-семья, дом-жилище людей, вечный дом*. Структура *дома-вселенной* совпадает с трехчастной моделью пространства, бытующей во многих мифологических традициях. Верхний мир представлен образами неба и солнца; средний мир – образами земли и воды. Нижний мир связан с представлениями о *вечном доме*.

В прозе В. Астафьева и В. Козько происходит мифологизация *дома-родины* (Сибири и Полесья). Согласно верованиям древних славян, окружающее человека пространство было заселено мифологическими существами. Так, в романе Козько «Неруш» [4] обитателями Полесья становятся Голосница, Железный Человек, болотный бык, которые выступают хранителями природы Полесья, носителями нравственного закона «Не рушь!»

Кроме того, сверхестественными свойствами наделялись природные объекты. С образом рыбы ассоциируется в мифологии мотив смерти-воскрешения. Данный образ встречается в «Царь-рыбе» В. Астафьева [2] и в повести «Цвіце на Палессі груша» В. Козько [5]. Символами Полесья в романах Козько становятся аист и зубр.

В мифологической традиции центр сакрального пространства отмечается мировым деревом, крестом, алтарем, храмом. В «Последнем поклоне» Астафьева [1] символом покинутого *дома* становится крест на могиле матери Вити. В прозе Козько центр сакрального пространства маркируется образами дуба, груши, липы, яблони, воплощающими архетип мирового дерева.

В народном сознании с храмом отождествлялось жилище человека. В произведениях писателей понятие «жилище» локализуется в образах детского дома, казармы, общежития, зимовки, городской квартиры, но сакральное значение приобретает только локус крестьянской избы.

В ряде случаев *топос дома* утрачивает свою сакральность, приобретает признаки антидома, что приближает произведение к жанру антиутопии.

Поскольку *топос дома* воплощает статичность, он является в большей степени пространственной, нежели временной категорией. *Дом* служит или отправной, или финальной точкой сюжетного движения. Понятие *вечного дома* включает значение вечности, то есть отсутствия времени.

Топос дороги представляет собой *горизонтальное перемещение героя* (перемену его положения во внешнем мире) и *вертикальное перемещение героя* (связанное с идеей развития / деградации личности). Ключевыми моделями *горизонтального перемещения* становятся *движение героев из дома в мир* (в произведениях Астафьева) и *дорога из мира в дом* (в прозе Козько), что соответствует положению В. Топорова о «пути к сакральному центру... и пути к чужой и страшной периферии» [7, с.62].

Топос дороги обуславливает развитие сюжета и движение сюжетного времени: у Астафьева – из прошлого в настоящее и будущее, у Козько – из настоящего в прошлое (возникает мотив круга, воплощающий идею вечного возвращения). Выбор противоположных моделей движения связан с национально-ментальными особенностями писателей. Для белорусской ментальности основополагающей является центристская модель движения: к дому, к корням, к малой родине. Для русского этноса важен процесс расселения и освоения новых пространств, поэтому русское мифологическое сознание отдает предпочтение центробежной модели.

Топос героя в мифологическом пространстве-времени реализует два аспекта. В первом случае герой вписан в мифологическое пространство-время, моделируемое автором (*внешний смысловой план топоса героя*). Во втором случае герой сам является носителем мифологического сознания, становится субъектом восприятия пространства-времени (*внутренний смысловой план*).

Примером мифологического мироощущения выступает детское мышление («Последний поклон» [1], «Суд у Слабазе» [5]). Также мифологическим сознанием наделяет Козько героев, которые по причине своего физического недуга отчуждены от мира людей и большую часть времени проводят в общении с природой, их мировосприятие уходит своими корнями в комплекс тотемических веро-

ваний («Цвіце на Палессі груша» [5], «Хроніка дзетдомаўскага саду» [6]). Элементы міфалогічнага свядомства можна выявіць у герояў, испытываючых чужыню віны за свае паступкі, оццваючых сябе чужымі сярод людзей («Неруш» [4], «Бунт незапатрабаванага праху» [3]). Унутранні сэнсавы план твора героя прыбывае, асноўна, у прозе Козько.

Выводы. Сквозь прымусна рэалістычную аснову прозы В. Астафьева і В. Козько праступае міфалогічны пласт, тесна звязаны з рэальнасцю. У творчых працах Козько міфалогізм становіцца асновополагаючым прыёмам, дапамагаючым раскрыць іх ідэйную канцэпцыю, псколькі творчэства беларускага пісатэля сарыентывавана на міфалогічны тып мышлэння. Проза Астафьева мае ярка выражаную сацыяльную напавленнасць, следаватэльна, міфалогічны падтэкст толькі ўсылівае яе сацыяльнае звучанне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астафьев, В.П. Последний поклон. В 2-х т. / В.П. Астафьев. – М.: «Молодая гвардия», 1989.
2. Астафьев, В.П. Царь-рыба: Повествование в рассказах / В.П. Астафьев. – М.: «Эксмо», 2007. – 512 с.
3. Казько, В.А. Бунт незапатрабаванага праху: Раман. – Мінск: І.П. Логвінаў, 2009. – 340 с. – (Кнігарня «Наша Ніва»).
4. Казько, В.А. Неруш: Раман. Суд у Слабадзе: Аповесць / В.А. Казько. – Мн.: Юнацтва, 1991. – 589 с.
5. Казько, В.А. Судны дзень / В.А. Казько. – Мн.: «Мастацкая літаратура», 1998. – 480 с.
6. Казько, В.А. Хроніка дзетдомаўскага саду: Раман / В.А. Казько. – Мн.: Маст. літ., 1987. – 430 с.
7. Топоров, В.Н. Пространство и текст / В.Н. Топоров // Текст: семантика и структура. – М., 1983. – 475 с.

ЯВЛЕНИЕ ВАРИАТИВНОСТИ В ФАМИЛИЯХ СТАРООБРЯДЦЕВ

И.Я. Кураш
Витебск, ВГУ

Фамілія як афіцыйны антропым трэбуе абавязальнай пісьменнай фіксацыі, пры гэтым набываюцца дзве процывопаложныя тэндэнцыі: традыцыйнасць і нарматыўнасць. Следаванне традыцыі пазваляе сахраніць звуковую і буквенную аблік некотрых фамілій, хоця зачастую ў ных закрэплены неверныя с точки зрэння орфографіі напісанія. Стремленне к нарматыўнасці і аднообразію напісанія фамілій прыводіць к стыванню дыялектных чэрт, нашедшых отражэнне ў онімах. Для большага дэталёвага ізучэння гэтых явлэнняў возмжно на матэрыяле пісьменных істочнікаў прследіць процэс ізмененія фамілій, так как пры гэтым фіксываюцца разновременныя варыанты фамільных антропым, прыналежавшых членам адной сямьі.

Цель данной стывы – выявіць асобнасці прывялення варыатывнасці ў фаміліях старообрядцев, прывываючых ў западной часты Вывебскага абласці. Гэто дае возмжносць ісследавать месчныя асобнасці прывношэння, отражаючыя жывую речь рускых носітэлей гывора, а такжэ ізучіть характер ізмененія ў стывуруе антропым. В качэствэ абьекта ісследаванія ізбыврается сывстама фамільных оным старообрядцев. Предметом ісследаванія являюцца спецыфічыескыя фонетыческыя і слывообразоватэльныя чэрты, котры пазваляюць адреды-